

ВРЕМЯ, ПОВТОРЯЮЩЕЕ САМО СЕБЯ: НОВИНКИ ПРОЗЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ДЕФНЕ СУМАН, «МОЛЧАНИЕ ШАХЕРЕЗАДЫ» («ФОЛИАНТ»)

Малая Азия, начало XX века. Город Смирна (ныне Измир) находится на греческой территории. В романе несколько главных героев и их сюжетных линий, и все они оказываются связанными не только временем и местом действия. Левантинка Эдит Ламарк из французской семьи, много лет живущей в Турции, становится возлюбленной индийца Авинаша Пиллаи, британского шпиона, приехавшего в Смирну под видом торговца в 1905 году.

Вторая героиня — Панайота, юная гречанка, трепетно влюбленная в юношу, которому вскоре предстоит стать солдатом и отправиться воевать. Эта история датируется 1919 годом.

Наконец, третья, чье имя дало название роману, Шахерезада, спасенная из Великого измирского пожара подполковником Хильми Рахми, хранит молчание: груз воспоминаний слишком силен, чтобы его прервать. Она расскажет свою историю, но значительно позже.

Все три героини связаны между собой, но как именно, знает только Авинаш Пиллаи.

Четыре семьи. Четыре культуры, один город — и страшная война, одновременно соединяющая людей и разделяющая их навсегда. Трагедия города со смешанным населением, ставшего разменной монетой в большой политической игре.

Эпический, драматичный, страшный и правдоподобный исторический роман.

«Когда пассажирский корабль “Афродита”, на котором и плыл шпион родом из Индии, подходил к порту Измира, я еще не родилась, однако в матку, в этот темный мешочек, где я провела столько месяцев, уже стал пробиваться свет...»

Авинаш прошел на заднюю палубу и, убедившись, что никто на него не смотрит, соединил ладони перед собой. Конечно, теперь он работал на Британскую империю, а значит, ему следовало выглядеть настоящим европейцем, но он все еще оставался внуком своего деда, просветленного старца, который надеялся достичь Высшей милости в монастыре у подножия Гималаев. Во все утомительные дни и полные бурь ночи, пока Авинаш добирался сначала из Коломбо до Порт-Саида, оттуда – в темном вагоне поезда до Александрии, а затем – на “Афродите” в Измир, Шива оберегал его, и сейчас он должен воздать ему благодарность».

ХУАН ФИЛЛОЙ, «ОП ОЛООП» (POLYANDRIA NO AGE)

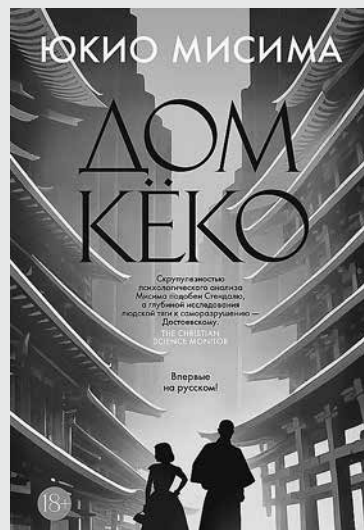
Роман, написанный еще в 1934 году, но дошедший до русскоязычного читателя только сейчас. Его создатель, аргентинский писатель Хуан Филлой, известен не только тем, что был номинирован на Нобелевскую премию, не только тем, что владел семью языками и прожил сто шесть лет, но еще и тем, что был близко знаком с Нортасаром, Борхесом и Фрейдом и написал несколько десятков книг.

«Оп Олооп» — это «Улисс» аргентинской литературы: роман, во многом задавший направление дальнейшего ее развития. Это один день из жизни статистика Оптимуса Олоопа, 22 апреля, которое начинается с почти ритуального омовения в термах, а заканчивается странным многоголосым пиром, на котором голос получает множество персонажей, и позднее в борделе мадам Блондель. Между этими точками — множество событий и социальных ролей, множество важных и бессмысленных разговоров. Оп Олооп, день которого четко расписан и структурирован, начинает с очищения и заканчивает грязью, но в то же время, если вписать этот день в череду других, ему подобных, Оптимус становится птицей феникс, которая каждый раз наутро возрождается из пепла, чтобы снова замкнуть свой малый жизненный цикл. Книга, наглядно иллюстрирующая теорию черного лебедя Нассима Николаса Талеба: как бы четко ни были структурированы твой день и твоя жизнь, в какой-то момент произойдет событие, которого ты совершенно не ожидаешь, — и это событие может изменить все твои планы и разрушить все твои надежды.

«Слабоумие придает энергии. Встряхивает флегматику, смазывает внутренние пружины привыкшего к апатии меланхолика. Но в его случае эта удивительная бодрость не поддавалась никакому объяснению. Любой человек, склонный к порядку, последовательно избавляется от всего лишнего. Становится все совершеннее и компактнее, менее ярким снаружи и более концентрированным внутри. Каким образом можно за столь короткий промежуток времени позабыть о стремлении к идеалу, как объяснить резкие и не столь заметные перепады настроения у того, кто всегда отличался уравновешенностью и спокойствием равноденствия?»

ЮНИО МИСИМА, «ДОМ НЁНО» («ИНОСТРАНКА»)

Роман Юнио Мисимы 1959 года, который нередко обвиняли в бессюжетности и неясности, перегруженности размышлениями на отвлеченные темы и необязательными (на взгляд критиков) описаниями. Да, если ожидать от «Дома Нёно» предельной сюжетной ясности «Весеннего снега» или «Золотого храма», вы, вероятно, будете разочарованы. Но если попытаться подняться над собственными предустановленными ожиданиями

от книги и оценивать то, что в ней есть, а не то, чего в ней нет, но хотелось бы, эффект будет прямо противоположный. В Доме вдовы Нёно собираются представители очень разных социальных страт — это, конечно, «энциклопедия японской жизни» послевоенного времени, в которой, помимо хозяйки дома, выведены еще и четыре мужских героя, четыре типа: антер, спортсмен-боец, художник и клерк, — в которых критики увидели четыре грани личности самого Мисимы. И под этим углом зрения все реплики героев — и возвышенные, и самые приземленные, и романтические, и нигилистически-революционные — воспринимаются совсем иначе, чем штрихи к плосковатым и несколько однобоним портретам.

«В отличие от изменений, которые понемногу происходили в жизни собиравшихся здесь молодых людей, Кёко неизменно вела ту же, с неизменными перепадами, в тех же повторениях жизнь. Если считать молодых людей функцией, то Кёко, можно сказать, была константой. На первый взгляд, она воплощала постоянство. Дом Кёко, когда бы вы туда ни пришли, всегда был домом Кёко. Молодым людям, где бы они ни находились и что бы ни делали, легко было вообразить, что в сумерках там зажигается свет и Кёко в вечернем платье советует с ними, куда пойти развлечься. Или, уже вернувшись из увеселительных мест, достает вино, чтобы продолжить кутить».

ВЛАДИМИР ЛИДСКИЙ, «ТЕМНАЯ ЛИДА» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

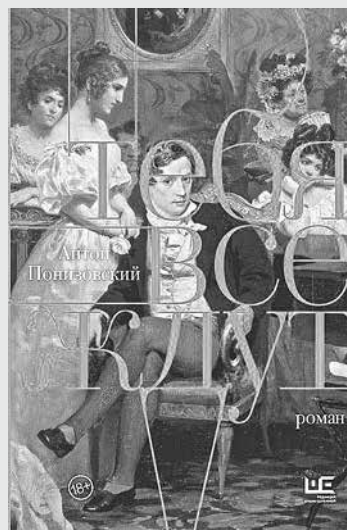
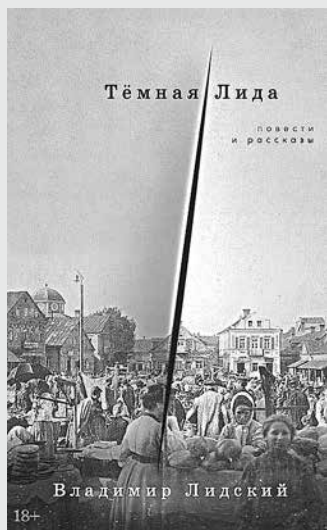
Цикл рассказов и повестей от писателя, родившегося в Москве, но уже несколько десятилетий живущего в Ниргизии, дважды лауреата «Русской премии». Тенсты, вошедшие в цикл «Темная Лида», объединены местом действия — небольшим белорусским городом, в котором жили дальние предки писателя. Лида на страницах сборника становится

не то Макондо, не то Йоннопатофой, приобретает мифологические черты и полнится типажными, характерными, архетипными. Разные герои, разные сюжеты, разные времена: Владимир Лидский использует прием непрерывного повествования, когда каждая из историй рассказывается одним предложением, демонстрируя тем самым единство и нераздельность времени, которое повторяет само себя. Писатель говорит: «Времени как физического явления не существует, ведь в том виде, в каком мы его знаем, оно выдуманно, измыслено. Это такая абстракция, которая атрибутирована изобретенными человеком механизмами или приспособлениями. Солнечные часы, водяные, песочные, механические, электронные — только механизмы измерения чего-то абстрактного. А в моем понимании время — это только смена биологических циклов или состояний». Но если времени как такового не существует, а все на свете просто перетекает из одного состояния в другое, подобно молочным продуктам, получается, что и смерти нет, а есть непрерывный, возможно, замкнутый, цикл, одновременно дающий надежду и отнимающий ее: выход всегда есть, он неизбежен и неминуем — и в этом смысле выхода нет.

«...Он вспоминал их, когда сидел в темноте перед пылающей печуркой и мечтал о пепле, который мать даст ему, сразу как выгорят дрова, — игрушек он не знал, знал камушки, собранные на Лидейке, — и вот мать давала ему пепел, — она выгребала его из поддувала, куда он попадал, падая с колосников... специальным совочком собирала его и сыпала в мятый таз, назначенный для стирки, — Иосифу было года три, а может быть, четыре, и он обожал играть в пепел или, лучше сказать, — играть с пеплом: мать сажала его возле таза, и он с удовольствием возил ручонками внутри, — это была такая нежная, едва теплая субстанция, мягкая, бархатная, приятно ласкающая детские ладошки, прикосновение которой успокаивало душу, смягчало сердце и даже утишало голод, всегда сопровождавший маленького Осю... он лежал в балке, умирая, и пошевеливал пальцами, как будто прикасался в своем воображении к пепельной поверхности... ему было покойно, и он уже смирился с мыслью о том, что как ни крути, а придется ж таки нынче умереть... но он не умер...»

АНДРЕЙ ПОДШИБЯКИН, «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

1993 год, Ростов-на-Дону. Четверо восьмиклассников собственной кровью случайно пробуждают древнее зло, дремавшее в проплетых нурганах Танаиса. Тот случай, когда мифологическое и мистическое вторгается во вполне (даже слишком, уж слишком) узнаваемый сеттинг южного бандитского города девяностых, и герои, очень разные для того, чтобы стать друзьями, все-таки становятся ими то ли вопреки общему ужасу, то ли благодаря ему. Но это не американский блонбастер о том, как четверо неудачников-супергероев побеждают грозящую миру опасность, тут ростовская слепоперестроенная реальность ного хочешь сожрет. С Нингом и «Очень странными делами» роман сравнили, кажется, все, включая самого автора, так что на этом подробнее останавливаться не будем. Но если вы ходите проглотить роман за пару вечеров, будучи не в силах оторваться и уснуть наконец, обливаясь слезами узнавания и холодным потом ужаса, то «Последний день лета» — именно то, что вы ищете. Страшная история про наше прошлое и наших внутренних детей, которым бывает очень страшно, когда мир вокруг рушится.

«К его удивлению, ладонь выглядела не так уж страшно: пара тонких порезов, едва сочившихся кровью. Разумеется, если бы Софья Николаевна сейчас увидела то, что сейчас перед собой видит он, то Пух провел бы остаток дня в травмпункте Центральной городской больницы, а остаток месяца — под замком и без телевизора. Аркаша хмыкнул. Как говорил герой недавнего романа Гарри Гаррисона, написанного в соавторстве с Антом Скаландисом, “риск — наша профессия”.

— Да нормально со мной все. До свадьбы заживет! — мамина присказка прозвучала тупо и неуместно. — Пошли к причалу, отправляемся скоро. Для убедительности он энергично махнул рукой в сторону реки. Капля его крови описала дугу и упала на газон».

АНТОН ПОНИЗОВСКИЙ, «ТЕБЯ ВСЕ ЖДУТ» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Третий роман тележурналиста и продюсера Антона Понизовского после полудокumentального «Обращения в слух» и «Принца инкогнито», ради которого он работал санитаром в психиатрической больнице. «Тебя все ждут» — роман, тоже написанный с абсолютным знанием материала, потому что он — о съемках реалити-шоу, ностюмированной истории, стилизованной под начало XIX века, в центре которой семья графа Орлова и его старший сын Аленсей, прикованный к инвалидному креслу после ранения в наполеоновской кампании. Если другие антеры работают посменно и на ночь уезжают из съемочного павильона по домам, то Аленсис — якорный персонаж, который находится под прицелом намер неотлучно. Работа хорошо оплачивается, но требует от антера огромных жертв, среди которых почти полная блокировка любых связей с внешним миром. Но у него есть весьма веские причины на то, чтобы согласиться

на эти условия. Понизовский написал роман об обращении в прошлое, которое для многих людей становится привлекательней будущего (об этом, к слову, роман нынешнего лауреата Бунеровской премии Георги Господинова «Времеубежище», о котором мы уже писали), о следящем за нами Большом Брате, о стершихся границах между частным и публичным, а еще о предназначении и долге, ради которых иногда необходимо потерять себя. Зато попытаться спасти того, кто дорог по-настоящему.

«Мне снова вспомнилось выражение: “яйцо, катящееся по нитке”. Наверно, если натянуть нитку не прямо, а под углом, и сверху вниз пустить по этой нитке яйцо, оно сделает несколько оборотов, но все равно свалится и разобьется.

Такая же неизбежная катастрофа ждала и нас. На репетициях Алка несколько раз повторила то, что сказал шоуфюрер на общем собрании: итогом и кульминацией премьерной серии должна стать парная сцена графа с графиней... Но каждый раз, когда Борис Васильевич с маменькой появлялись в поле моего зрения, я вспоминал, как они ненавидят друг друга — особенно после вчерашнего маменькиного прыжка. Как ни журчали бы слеза и справа светские разговоры и как бравурно бы ни катились кадрили и экосезы, я чувствовал, что они катятся к этой финальной сцене, как к черной яме...»

НСЕНИЯ ПОЛОЗОВА, «ВОДОЛАЗ НОНОВАЛОВ И ЕГО КОСМОС» («ГОРОДЕЦ»)

Жанр «маленького романа» (который по всем признакам скорее роман, но по объему скорее повесть) продолжает триумфальное шествие по планете, и «Водолаз Ноновалов» — очередное подтверждение правила и фиксация тренда. Здесь есть все, за что мы любим «маленькие романы»: стремительный переход от предельно бытового, не просто узнаваемого, но осязаемого, к глобальному, отчасти даже надмирному. За быт отвечает вполне прозаическая история: после травмы водолаз не по должности, а по судьбе Ноновалов не может больше заниматься любимым делом — и это рождает в нем сомнения, депрессии и поиски нового себя. За глобальное отвечают и черты магического реализма, и элементы жанра литературной параболы, и, конечно, главные образы книги: безбрежного моря, высокого неба — и бескрайнего космоса, вынесенного в название. Выпускающий редактор Анастасия Нозаневич пишет об этом тексте: «Космос, океан и человеческая скорбь — явления неисчерпаемые, заключение их в рамки художественного произведения сродни заключению рыбы в аквариум: забудь хоть одно правило ее содержания, и она не выживет. Строгость и распорядок ухода — гарантия того, что в этом замкнутом пространстве будет кипеть жизнь». Элементы, на первый взгляд очень разрозненные, несовместимые, тут оказываются ладно пригнанными, живыми, сочетающимися в причудливых формах, но сочетающимися безусловно. Жизнь снова оказалась принципиально непознаваемой, но весьма манящей.

«Падая, он думал о том, как бы не вывалиться за борт. Хотел выставить вперед руки, но руки не слушались. С того момента, как кулак с размытой сизой татуировкой ударил его в переносицу второй раз, прошла уже неделя. И всю эту неделю Коновалов падал. Поначалу он ожидал хрусткого удара, горячей пахучей крови, резкой боли, но понял, что не видит ни отблесков солнца на хромированных поручнях, ни волн, ни обшитой тиком палубы.

Он летел по млечному пути, не разбирая – вверх или вниз. Время от времени мимо проносились, крутя хвостами, кометы. Так постепенно наступил четверг.

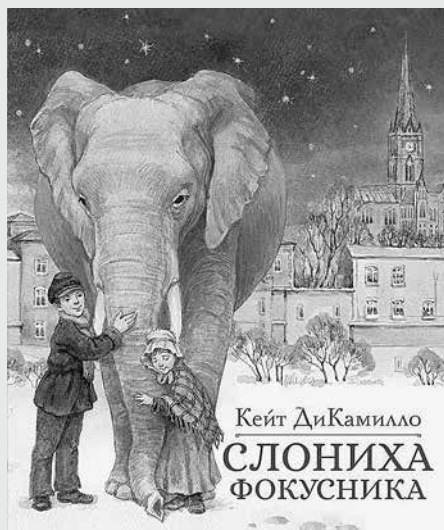
В четверг он понял, что все случившееся с ним до наступления этой странной недели было сном».

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО, «ГОРСТКА БОБОВ» («Б.С.Г.-ПРЕСС»)

Новая книга Юрия Нечипоренко — это немножко книга Шредингера. В том смысле, что она и детская, и взрослая одновременно. Двойная адресация работает здесь довольно причудливо: у взрослых вызывает ностальгию по детским и юношеским годам, а детям открывает новые горизонты, связывая их привычный мир, мир сказочный (сразу вспоминается «Джек и бобовый стебель») и мир научный, говорящий о возможной будущей профессии. Нечипоренко ведет читателя по жизни крупными мазками (детский сад — школа — университет...), с одной стороны, и извилистыми тропками частных воспоминаний — с другой. И эти частные воспоминания в этой книге мифологизируются, выходят на иной уровень: так, побег ребенка домой из детсада становится для маленького героя настоящей одиссеей.

Любопытна работа автора с циклизацией этих текстов, многие из которых публиковались когда-то по отдельности или в составе других сборников, но, будучи собранными вместе и сгруппированными в три раздела, они звучат по-новому, приобретая новые переклички и образуя новые связи.

«– Мне не нравится слово “Нельзя”, какое-то оно злое и безнадежное. Пожалуйста, сделайте с ним что-нибудь».

– С удовольствием: “Нельзя” мы переделаем для Вас в “Зяльне”,
и в слове появляется надежда...

И человек уже с этим “Зяльне” справлялся дальше сам!

*Все становилось можно, все по плечу – и героем стал тот, кому
не нравилось “Нельзя”...*

*Добрый человек-выдумщик менял слова – и они становились мягче,
добрее – и люди становились тоже лучше с такими хорошими словами.*

*“Зло” он заменил на “Лоз”, “Ненависть” – на “Вистьенан”, и стало
меньше в мире зла, меньше ненависти. Подумаешь, какой-то “Лоз” делают
люди, это же ерунда!*

*Такой чудесный жил человек, что все слова улучшал, и жизнь станови-
лась все лучше и лучше!»*

НЕЙТ ДИНАМИЛЛО, «СЛОНИХА ФОНУСНИКА» («МАХАОН»)

Сказка известной американской писательницы, приобретшей особую популярность после мирового успеха книги «Удивительное путешествие кролика Эдварда». Здесь писательница верна себе — она умеет сочетать приключенческий сюжет с невероятно трогательной манерой повествования, чтобы жалость и сочувствие переполняли сердца читателей любого возраста. Действие этой истории происходит в конце XIX века, главный герой — десятилетний сирота Питер Огюст Дюшен — мечтает узнать, жива ли его младшая сестра. Гадалка на рыночной площади отвечает, что девочка не умерла, и они встретятся. Приведет его к ней слониха. Все это звучит не просто неправдоподобно, но даже отчасти бредово, потому что климат города, в котором живет Питер, не очень располагает к появлению в нем слонихи. Но как и положено волшебной сказке, чудеса случаются, приключения неизбежны, и предсказание обязательно сбудется.

«На самом верху величественного городского собора, среди страшных и грозных горгулий, есть каменный барельеф: шагает слон, впереди него идет мальчик с маленькой девочкой на руках, а сзади целая свита – фокусник, полицейский, монашка, знатная дама, слуга, нищий, собака и в самом конце маленький горбун.

Все они держатся друг за друга, все друг с другом связаны, все смотрят вперед и чуть вверх, точно глаза их устремлены к звездному свету».

МАЛИНА ФЕРДЖУХ, «ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ» («НОМПАСГИД»)

Новый роман от создательницы трилогии «Мечтатели Бродвея», алжирской франкоязычной писательницы Малины Ферджух. Это «Маленькие женщины» на новый лад, очень искренний и честный роман воспитания о четырех сестрах Верделен, младшей из которых девять, а старшей двадцать три года, они живут в старинном доме у Атлантического океана и взрослеют сами — их родители погибли в автонастурофе, поэтому взрослая жизнь настигла девочек гораздо раньше, чем хотелось бы. Четыре части книги, в центре каждой из которых одна из сестер, рассказывают нам о жизни героинь, их дружбе, сложностях, первой любви и попытках принять факт смерти родителей. Весьма внушительный (пяти-сотстраничный) роман ставит сложные вопросы без педалирования горя и излишков черной краски. Малина Ферджух умеет писать о надежде, взаимовыручке, важности семьи и внутренней силе, которая, как выясняется, есть в каждой из ее героинь, как бы глубоко она ни была изначально спрятана. Перед нами роман, который честно говорит подростку: в жизни случаются очень плохие и очень тяжелые вещи, к которым даже взрослые не всегда готовы, принимать решения и брать на себя ответственность сложно и часто неприятно, но необходимо. И самое главное, что нужно понять, — это то, что многое зависит от тебя лично, от твоего выбора, от тех людей, которые рядом с тобой. И их нужно беречь изо всех сил.

«Он принес паос, четырехугольную кожаную подушку. Женевьева прицелилась, полузакрыв глаза, подняв кулаки к лицу.

Она представила себе, что вот эти царапины на коже – брови Шарли. А вон то пятнышко – ее нос. Эта кожаная складка – рот. Вот так. Лицо старшей сестры целиком.

Ее кулак влетел в него сокрушительным апперкотом. Месье Кол Мой за подушкой издал негромкое “упс”, но устоял на ногах.

– Я не кобылица, – проворчала она. – Я тигр, который съел кобылицу!»